

УДК 340.12

С. П. Шевцов,

канд. филос. наук, доцент

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,

кафедра философии естественных факультетов

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ ПРАВОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Автор статьи рассматривает сложившуюся в XIX и XX веках ситуацию с изучением права в античном мире. Намечены некоторые возможности для дальнейшего пути поисков, в частности, исследование правовой ментальности через другие формы деятельности, получившие более полное отражение в литературе, например, военной.

Ключевые слова: право, закон, ментальность, история, правовое сознание.

Постановка проблемы. Проблема возникновения и развития права в античном мире остается актуальной, несмотря на активно ведущуюся в этой области работу на протяжении двух последних веков. Важно выяснить возможности и перспективы дальнейших исследований.

Цель статьи — рассмотреть сложившуюся в XIX и XX веках ситуацию с изучением права в античном мире и наметить некоторые возможности для исследования правовой ментальности через другие формы деятельности, получившие более полное отражение в литературе.

Анализ литературы и источников. Предметом серьезного изучения римское право стало уже в школе глоссаторов в XII веке и в дальнейшем непрерывно изучалось и разрабатывалось почти во всех образовательных центрах Европы (за исключением Англии, где римское право не играло заметной роли). В XIX веке изучение римского права поднимается на небывалую высоту. Публикация «Кодекса Феодосия» и «Дигест» с обстоятельными комментариями под редакцией Т. Моммзена закладывает серьезную базу для всех последующих исследований. Тот же Моммзен публикует фундаментальный трехтомный труд «Римское государственное право» (1871–1888), а позже — дополняющий его том «Римского уголовного права» (1899). Одновременно появляются труды по римскому праву Р. Иеринга, Ю. Барона, К.-Э. Цахариэ фон Лингенталля. Кажется, возможность дальнейших исследований исчерпана, итоги подведены. Римскому праву грозило превратиться исключительно в учебную дисциплину. Конец XIX — начало XX века принесли много открытий юридических памятников на сирийском, армянском, арамейском и других языках. Это позволило иначе взглянуть на некоторые, казалось, уже решенные проблемы и поставить новые. Более существенным фактом оказалось существенное преобразование самих наук — как истории, так и юриспруденции. В XX веке ряд историков решительно выступили против долго господствовавшей «позитивной истории» с ее радикальным требованием опираться исключительно на тексты (формулы Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «История пишется по источникам»

и Н. Д. Фюстеля де Куланжа «Тексты, только тексты, ничего, кроме текстов» [1, с. 542–543] следовали лозунгу учителя Моммзена Леопольда фон Ранке «wie es eigentlich gewesen war» [2, с. 34]). Воскресает почти забытый принцип «романтической» истории а la Жюль Мишле с его интересом к человеку, но осуществляется он на принципиально ином уровне. Позитивная история отброшена как «политическая» и мнимо-объективная, ей противопоставлена другая, в центре которой человек во всем многообразии его связей и сам историк. Рождается история ментальности. Ее основания можно усмотреть в «философии жизни» — у В. Дильтея, Ф. Ницше, О. Шпенглера, но методологическое осуществление нового подхода принадлежит Й. Хейзинге, М. Блоку и Л. Февру, Н. Элиасу (на них, безусловно, повлияло возникновение культурологии как науки с развернувшейся в ней яростной борьбой подходов и школ).

Изменения и в области правоведения не носили столь революционного характера, но по сути наука о праве в течение XX века преобразилась до неузнаваемости. В конце XIX — начале XX века с особой остротой встал вопрос о связи права с другими областями жизни государства, общества и отдельного человека в форме философии права, идеи права и понятия права. Стало очевидно, что без уяснения фундаментальных основ права дальнейшее его развитие (тем более — прогресс) немислим. Тогда же решительно заявила о себе позиция ненужности и даже вредности права. Здесь сошлись несколько совершенно разных учений: анархизм (У. Годвин, П. Ж. Прудон, М. Бакунин) (см. об этом: [3]), марксизм и религиозное учение Л. Толстого. Находясь на совершенно разных позициях и опираясь на разные основания, эти учения сходились в том, что право есть инструмент насилия и подавления господствующим меньшинством угнетаемого большинства. Следует учитывать, что юристы представляли (и представляют) собой достаточно замкнутую, хотя и неоднородную профессиональную группу. Представители романо-германской правовой семьи (термин Р. Давида [4, с. 20]) плохо понимали представителей так называемого «общего права» (прежде всего — англичан). Но и в том, и в другом лагере проходило разделение по вопросу о природе права между сторонниками естественно-правового подхода, позитивного учения и исторической школы. В целом романо-германская правовая семья опиралась на римское право («писанный разум» [4, с. 45]) и кантовское учение о праве, в то время как английские юристы отдавали предпочтение традиционному для них позитивному подходу (восходящему к учению Д. Остина). Две мировые войны и общее изменение сил в мире поставили перед правовой наукой ряд сложнейших и насущных проблем: необходимость возникновения международного права и утверждение его статуса, создание международных правовых институтов и ряд других. Найти новые пути обоснования сущности права не удалось, попытки соединить различные подходы (вроде «интегративной юриспруденции» [5]) тоже не привели к успеху. С 1920-х годов перед западными юристами возникает проблема теоретического осмысления права там, где оно покоится на совершенно иных источниках, — мусульманского, советского, права Индии, права стран Дальнего Востока, позже — иудейского

права. Кроме того, возникает вопрос о праве у народов, ведущих традиционный образ жизни (можно ли считать это правом? [6]). Вопрос о сущности права становится все более актуальным, но даже внутри европейского континента не удается найти общий язык по этому вопросу. Во второй половине XX века юристы все больше и больше стали говорить о кризисе западной традиции права [7]. Основные пути преодоления этого кризиса видели либо в усилении строгости позитивистских методов и подходов (пример Г. Кельзена и Д. Харта), либо, напротив, в смягчении, интеграции методов и привязке права к некой сфере с устойчивой онтологией — Богу, земле и т. п. (Дж. Берман, К. Шмитт).

В результате изменения формы образования значительно сократились объем и роль, отводимые античности — истории, языку(ам) и литературе, что привело (наряду с другими факторами) к снижению интереса юристов к проблемам римского права. В итоге эта область все больше отходит историкам, теоретикам культуры, философам. Специфика и сложность юридической науки ведет к постепенному угасанию интереса к вопросам природы римского права, что значительно обедняет исследования в антиковедении.

Ограничимся небольшим, но во многих отношениях ярким примером. В сборнике «История европейской ментальности» [8] рассмотрим статью Михаэля Райнера об античном праве [8, с. 489–512]. Сборник задуман как единый труд многих авторов по раскрытию истории становления европейской ментальности, этого ансамбля «способов и содержаний мышления и восприятия, которые являются определяющими для данного коллектива в данное время» [8, XXI], по определению редактора и автора ряда статей известного немецкого медиевиста П. Динцельбахера. Сборник сам представляет собой своеобразный ансамбль очерков основных категорий культуры в плане ментальности: индивидум/семья/общество, сексуальность/любовь, религиозность, душа и тело, умирание/смерть, пространство, время/история, право и другие, всего семнадцать разделов. Каждый из очерков в свою очередь состоит из трех статей: античность, средневековье, Новое время. Статьи написаны разными авторами. Некоторые характеризуются достаточно выраженной авторской позицией, удачно соединенные и при единстве объема статьи соединяются в целостную картину, не объективно-безличную, а создавая сложное композиционное единство индивидуальных голосов.

Статья Михаэля Райнера (из Граца) начинается со справедливого указания на трудность вместить в небольшой объем историю понимания права и отношения к нему у двух столь разных народов, как греки и римляне, в течение почти тысячи лет. К слову сказать, автор следующей статьи, В. Шильд, по тем же причинам ограничивает свое рассмотрение средневекового права исключительно германцами и Священной Римской империей германской нации. Понятно, почему М. Райнер не может ввести такое ограничение, он посвящает примерно четверть статьи Греции [8, с. 489–495] и три четверти — Риму [8, с. 495–510]. Две страницы занимает краткая библиография, отдельная по Греции и Риму.

Автор начинает с гомеровской эпохи, где цари выполняли роль жрецов и осуществляли связь между богами и людьми. Далее он переходит к Гесиоду и затем уже — к реформам Солона. В целом автор испытывает серьезные трудности из-за отсутствия материала, на основании которого можно было бы составить себе представление о правовой ментальности исследуемой эпохи. Он стремится опереться на литературу (Геродот, Платон, Аристотель), на лингвистический анализ отдельных терминов (*nomos*, *dikaion*), на свидетельства истории, но в целом картина выходит достаточно условной, речь может идти скорее о воззрениях на закон, нежели о собственно категории права в ментальности античной Греции.

Римскую историю он делит на четыре фазы: от основания Рима до падения этрусской монархии (ок. 500 г. до н. э.), до компромисса патрициев и плебеев в 367/366 году, третья фаза — до установления империи, и четвертая — до падения Западной Римской империи. Автор стремится показать уникальность системы римского права и неуклонное и последовательное движение римлян к совершенствованию своей правовой системы. Каждый из указанных периодов выделяется не столько изменением ментальности, сколько этапами на пути совершенствования системы права. Что касается оснований этого стремления, то автор делает вывод, что на передний план следует поставить веру (*fides*) в качестве главного движущего механизма. «Фундаментом законности, — пишет он, — фундаментом преторского правотворчества, выступает вера как основная ценность, фундаментальный элемент римской культуры права» [8, с. 501]. Сам автор никак не обосновывает тезис об исключительности римского религиозного сознания, ограничиваясь ссылкой на известную позицию Ф. Виакера по данному вопросу¹. В целом едва ли данная статья может претендовать на раскрытие правовой ментальности в эпоху античности, пусть даже в общих чертах.

Нет сомнения, что при исследовании с позиции ментальности такого сложного и уникального феномена, как римское право, возникают колоссальные трудности. Но ментальность, лежащая в основе римского права, — не просто еще одна область или тема в ряду других. В ней скрыт ключ к пониманию права в современном мире и тех проблем, которые возникают перед нашим обществом сегодня. И подсказка для решения этой задачи может быть найдена именно в позднейшей истории правового мышления.

Римское право лежит в основании нового (современного) понятия государства и представления о человеке. Рецепция римского права являет собой «прототип западной науки» [7]. Начало воплощения новых представлений, начало формирования новой ментальности лежит в эпохе, которую авторы сборника называют Высоким Средневековьем, — в XII веке, но применительно к этому периоду говорят иногда и о раннем Возрождении [11]. Именно в этот период происходит «открытие индивидуума», что отмечалось многими исследователями, но казуальное объяснение этого вызывает серьезные трудности, о чем пишет, в частности, в своей статье, посвя-

¹ М. Райнер ссылается на известную, но недоступную мне статью [9]. Эту свою позицию Ф. Виакер высказывал неоднократно, мне она знакома из [10].

щенной индивидууму/семье/обществу в Средние века, П. Динцельбахер [8, с. 26]. Дж. Берман представил блестящую, хотя во многих отношениях неполную, картину преобразования средневекового мира, в которой основными источниками преобразования оказываются клянийская реформа церкви и последовавшая борьба светской и церковной властей, папы и императора [7]. Европа (за исключением некоторых стран) обрела в римском праве инструмент разграничения полномочий государства и церкви, а тем самым и ту форму (во всех смыслах, включая аристотелевский) свободы, которую искала и к которой стремилась. Еще в античности сложилась формула, господствовавшая на протяжении почти тысячелетия и служившая основой античной аскетики, а потом и христианской, что тело является основой порока. Речь идет о формуле Прокла: «Корень порока — тело, а добродетели — ум (цит. по: [12, с. 92]). О постепенном обращении от преступлений (и наказаний) «идущих от тела» к «идущим от свободы» пишет В. Шильд в статье, посвященной праву в средневековье [8, с. 513–534].

В связи с этим возникает вопрос о том, когда и как возникла такая степень свободы в римском праве, позволившая новому миру опереться на него. В классический период (II–III вв. н. э., эпоха деятельности знаменитых римских юристов) право обретает свою письменную форму, но не создается. Это принципиальная установка самих римских юристов. Во-первых, они всячески избегают общих установок и определений. Эту их особенность часто отмечают исследователи, и мы ограничимся двумя примерами: Павел (D.50.17.1): *non ex regula ius sumatur, sed ex iure quod est regula fiat* (не следует, исходя из общего, отвлеченного правила, черпать, создавать конкретное право; наоборот, нужно, основываясь на существующем, живом праве, строить общую форму); Яволен Приск (D.50.17.202): *Omnis definitio in iure civili periculosa est: parum est enim, ut non subverti posset* (Всякое определение в гражданском праве опасно, ибо мало случаев, когда оно не может быть опровергнуто). Это высказывание римского юриста «считается историками римского права типичным» [13, с. 367].

Во-вторых, подтверждением того, что в своих глубинных основаниях право (как сознание) уже сформировалось к началу классической эпохи, служит факт бурного развития к этому моменту преторского права. Претор (магистрат, то есть должностное лицо) выступал лишь посредником между гражданами и судом, не имея полномочий изменять, создавать или отменять существующие нормы права. Тем не менее в реальной практике изменилось практически все. Во второй половине II века до н. э. «установился в Риме новый процесс — *process per formulas*, или *формулярный*. Общий смысл совершившейся реформы заключается в переложении обязанности формулировать предмет спора с плеч сторон на плечи претора. В процессе формулярном стороны перед магистратом могут излагать дело в любых выражениях и в любой форме; дать же претензиям сторон соответствующее юридическое выражение составляет теперь дело претора. Из объяснений сторон он выводит юридическую сущность спора и эту сущность излагает в особой записке судье, назначаемому для разбора этого дела. Эта записка судье и есть *formula*, отчего и самый процесс называется формулярным»

[15, с. 142]. Но преторы не ограничиваются тем, что облегчают, упрощают и делают более доступным обращение в суд. Они вводят в сферу судебных решений и те случаи, которые традиционно не подлежали гражданскому праву. «...Рядом с исками, основанными на гражданском праве, *actiones civiles*, появляются иски преторские — *actiones praetoriae*. В создании этих исков преторское творчество достигает своего зенита. В основе *гражданского иска* лежит всегда такое или иное гражданское право истца, некоторое *jus*, которое в иске осуществляется. <...> Материальным основанием всех *преторских исков*, напротив, является уже не какое-либо *право* истца на то, чтобы ответчик ему что-либо заплатил, а просто известное фактическое положение дел, совокупность известных фактических обстоятельств, которые делают справедливым, чтобы ответчик заплатил. Поэтому преторские иски опираются всегда на некоторое *factum*, а их формулы являются *formulae in factum conceptae* («формулы, составленные на основе фактической ситуации») [15, с. 151–152].

Этот вид права, осуществляющийся вне рамок существующего гражданского права, чрезвычайно важен и показателен. Во многих чертах (с точки зрения ментальности, а не формы) здесь существует близость с английским «правом справедливости». Суть последнего в том, что в случае, если поданная истцом жалоба не могла быть представлена как иск по общему праву (то есть выходила за нормы английского права), истец мог обратиться непосредственно к королю (реально — к канцлеру) и тот решал дело «по велению совести», вне законодательных форм, но со временем (с XVII в.), как и преторское право, эта форма права («право справедливости») само стало собранием юридических норм [8, с. 232–233]. И в том, и в другом случае введение дополнительного основания (источника) права и механизма его реализации придают системе права удивительную гибкость. В обоих случаях источником принятия решений оказывается чувство справедливости, а не правовая норма. Отметим эту параллель, она будет для нас важна.

Казалось бы, столь существенные правовые полномочия, оказавшиеся в руках должностных лиц практически вне всякой системы официального контроля, могли бы привести к злоупотреблениям, коррупции и другим негативным явлениям. В этом случае стоило бы ожидать от такого общества как римское, сопротивления этому процессу. Но мы видим как раз обратное: преторское право и формулярный процесс стремительно развиваются и становятся, собственно, римским правом. «Вся классическая юридическая литература, отрывки которой дошли до нас в Юстиниановской компиляции, предполагает именно этот формулярный процесс» [15, с. 143].

Теперь мы можем понять, что эпоха классического права представляет собой процесс упадка правового сознания, что и вызвало необходимость письменной фиксации норм. Письменная фиксация уже существующего в ментальности может быть оценена по-разному, но в данном случае эта фиксация нарушала саму природу преторского права. «Освобожденный от оков строгой формалистики, формулярный процесс оказался в достаточной степени гибким, чтобы воспринять в себя самые разнообразные нарождаю-

щиеся отношения и дать место различным, даже самым тонким, оттенкам каждого конкретного случая» [15, с. 143]. И вот как раз эта гибкость устранялась при письменной фиксации. В эту позднюю эпоху юридическая практика достигает своей вершины в смысле строгости и утонченности, но оказывается деятельностью только профессионально подготовленных людей и в строго определенном русле, в то время как прежде эту функцию мог исполнять любой римский гражданин, полагаясь на свое внутреннее понимание. На этом примере можно увидеть принципиальное различие между историей фактической и историей ментальности, там, где одна видит вершину, другая обнаруживает упадок.

Преторское право не могло бы достичь такого уровня технического совершенства, широты практики и единообразия норм, если бы не опиралось на устойчивое представление о праве. В свою очередь это представление не могло бы быть столь устойчивым без некоторого стержневого момента, узлового камня, связующего множество разнообразных случаев в некое правовое единство. Но для юристов показателями такого единства служат всегда либо формы процесса, либо формы обращения к источникам права. Второй способ создает право как систему в юридическом смысле. Но единство римского права определялось не этими критериями, потому что одной из важнейших черт римского права, отмечаемой почти всеми исследователями, было отсутствие единой системы. Возникает своего рода парадокс: с одной стороны, римское право понимается как *ratio scripta* (писаный разум), юристы континентальной Европы восхищаются им и видят в нем образец [4, с. 225], с другой стороны, в этом разуме отсутствует обобщение и систематизация [16, с. 167], то есть оно не представляет единой системы (такую стройность ему придадут позже). Как подчеркивает Дж. Г. Берман, «римское право состояло из сложной сети норм; однако они существовали не как интеллектуальная система, а скорее как красочная мозаика практических решений конкретных юридических вопросов» [7, с. 152].

Чтобы осмыслить эту парадоксальную ситуацию, достаточно понять, что у всех, кто знакомился с римским правом, возникало ощущение единства, хотя это единство не укладывалось в рамки существующих стереотипов. Это единство было организовано не на уровне письменного выражения норм, но на более глубоком уровне оснований для принятия каждого конкретного решения. Мы здесь имеем дело с принципиальным различием позитивного права (закона) и собственно права (в ментальности). Эту позицию формулирует Р. Иеринг как свою основную мысль: «...правовые положения суть только самые внешние, практически верхушки права, не исчерпывающие ни количественно (экстенсивно), ни качественно (интенсивно) его действительного содержания» [14, с. 29]. А римские юристы (Павел) говорят об этом так (называя, по сути, закон «правилом»): *regula est, quae rem, quae est, breviter enarrat; non ut ex regula jus sumatur, sed ex jure, quod est, regula fiat* (D.50.17.1) (правило кратко рассказывает вещь, как она есть, таким образом не право из правила формируется, а правило делается из права, как оно есть).

Итак, эпоха классическая римского права создала письменный свод правовых норм (позитивного права), что одновременно свидетельствует об упадке последнего в сознании современников.

По моему убеждению, основания римской правовой системы (в плане ментальности) следует искать в самый ранний период возникновения Рима, период крайне сложно поддающийся реконструкции. О правовом состоянии в этот период мы не можем судить даже по самой ранней из дошедших до нас (только в позднейших пересказах) кодификации римских законов — законов 12 Таблиц (сер. V в. до н. э.). Выше было приведено мнение М. Райнера о причинах своеобразия римского права — вслед за Ф. Винакером он усматривает основание его в особой силе веры (*fides*) у римлян. Р. Иеринг выводит римское право из трех составляющих: семейной, религиозной, военной (при этом последней он приписывает основное влияние) [14]. Утверждать что-либо определенное относительно столь ранней эпохи чрезвычайно рискованно, но все же я решусь высказать гипотезу, признавая всю шаткость лежащих в ее фундаменте оснований.

Римского право до самого конца своего существования характеризовалось рядом специфических черт, не повторяющихся ни в одной правовой системе античности: (1) полное доверие слову римлянина (граждан Рима никогда не подвергали пыткам, письменные договоры они составляли только с перегринами, не-римлянами [17]); (2) полнотой власти отца над членами семьи и всей собственностью (ни один даже взрослый сын не владел ничем, все принадлежало только отцу, он даже мог продавать детей в рабство, но при этом не мог лишить их наследства); (3) жестокая смертная казнь ко всем нарушителям общественного спокойствия (греки, например, спокойно изгоняли своих сограждан); (4) сложное многоуровневое понятие собственности [18, с. 132–139].

Если к этим чертам добавить еще вполне достоверно установленные факты, что: (1) Рим возник в местности с очень нездоровым климатом, (2) вероятнее всего, возник искусственно (то есть сразу как укрепление) [18, с. 55], (3) римляне не имели ни одного родственного племени в своем окружении, но (4) охотно принимали желающих переселиться в Рим, наконец, (5) не имели дружественных соседей и отличались крайней воинственностью, то мы можем сделать, кажется вполне обоснованное предположение о характере первоначального населения Рима. Рим был местом укрытия разбойников.

Именно та среда, которую теперь зовут «уголовной» отличается чрезвычайной выделенностью из всего остального общества — их выделяют нормы поведения, язык, часто — знаки на теле. Они существуют по неписанным, но чрезвычайно строгим и жестко контролируемым нормам. Внутри их группы установлено полное доверие и полное презрение к окружающим. Если Рим оказался местом укрытия нескольких разбойничьих группировок, то это и составило основу города (не случайно, согласно легенде на первых этапах им не хватало женщин и ни один соседний город не хотел выдавать дочерей в Рим — приходилось воровать (Тит Ливий, I, 9–13)).

Таким образом, в основе римской правовой ментальности лежало совершенно особое понимание человека-изгоя — как чего-то отличного от всех остальных, но при этом намертво спаянного в небольшую группу подобных (в Монголии таких людей называли «люди длинной воли», как предводитель такой группы начал свой путь Темуджин, будущий Чингисхан). Эта особенность, исключительность римлянина предстала позднее в праве как достоинство (категория, совершенно незнакомая другим правовым системам античности), а уже в XII веке была понята в школе глоссаторов как свобода.

И еще одно, хотя и косвенное, подтверждение такого предположения: в том же XII веке в Европе возникает другой тип права и, соответственно, другой тип нового государства — норманнское Королевство Обеих Сицилий, а позже по его образцу и норманнская Англия. В основе обоих лежит «общее право», совершенно независимое от римского. «Общее право» — совсем несходно с римским правом в толкованиях юристов XII века и позднейших, но оно имеет много общего с римским правом, каким оно было в Риме. А в XIII — XIV веках к «общему праву» добавляется «право справедливости», близость которого к преторскому праву мы отмечали выше. В основе английского права лежит такая же глубокая убежденность (ментальная) в достоинстве человека. Если романо-германская правовая семья исходит из общих положений (свобода, справедливость, равенство), то система «общего права» стремится посредством процедуры извлечь все это каждый раз в каждом конкретном случае из каждого конкретного человека. И эта правовая система, безусловно, создана разбойниками, потому что более страшных разбойников, чем норманны, Европа того времени не знала.

Мы можем таким образом сделать **вывод**, что современные представления о праве сложились в результате долгой эволюции, и право каждого периода несет в себе в качестве своей основы некий ментальный образ своего носителя. Поэтому одни и те же правовые формы в различные эпохи за общим понятием справедливости таили совершенно несхожие представления. И сами понятия «личность» (*persona*), «справедливость», «свобода» тоже обладали существенными отличиями у разных народов в разные времена. Но в основе своей право всегда выражало положение человека в мире. Новая эпоха заимствовала старые формулы, так как усматривала в них выражение собственного мировоззрения. Так в данном случае мы видели как понятие «исключительности» у первых римлян постепенно обернулось их «достоинством», а вслед за этим проложило путь к «свободе» для жителей континентальной Европы.

Литература

1. Февр Л. Бои за историю / Л. Февр; пер. с фр. А. А. Бобовича, М. А. Бобовича, Ю. П. Стефанова. — М.: Наука, 1991. — 630 с.
2. Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». — М.: Индрик, 1993. — 328 с.
3. Эльцбахер П. Сущность анархизма / П. Эльцбахер; пер. с нем. Б. Яковенко. — Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. — 271 с.

4. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози; пер. с фр. В. А. Туманова. — М.: Международные отношения, 1998. — 400 с.
5. Берман Дж. Г. Интегрированная юриспруденция: политика, мораль, история // Берман Дж. Г. Вера и закон: примирение права и религии / Дж. Г. Берман; пер. с англ. Д. Шабельникова, М. Тименчика. — М.: Ad Marginem, 1999. — С. 340–363.
6. Малиновский Б. Преступление и обычай в обществе дикарей / Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. Пер. с англ. В. Н. Поруса. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 211–282.
7. Берман Дж. Г. Западная традиция права: эпоха формирования / Дж. Г. Берман; пер. с англ. Н. Р. Никоновой. — М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М—НОРМА, 1998. — 624 с.
8. Europäische Mentalitätsgeschichte. Hauptthemen in Einzeldarstellungen. — Stuttgart, 1993. — 663 S.
9. Wiacker F. Zum Ursprung der bonae fidei iudicia // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte — Romanistische Abteilung (ZRG-RA). Bd 80. — 1963 — S. 1- 41.
10. Wieacker F. Recht und Gesellschaft in der Spätantike. — Stuttgart, 1964. — 312 S.
11. Брук К. Возрождение XII века. Пер. с англ. А. Н. Панасьева / Богословие в культуре Средневековья. — К.: «Путь к истине», 1992. — С. 119–226.
12. Столяров А. А. Свобода воли как проблема европейского морального сознания. — М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1999. — 208 с.
13. Липшиц Е. Э. Юридические школы и развитие правовой науки // Культура Византии. IV — первая половина VII в. — М.: Наука, 1984. — С. 358–370.
14. Иериг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1/ Р. Иеринг; пер. с нем. — СПб., 1875. — 309 с.
15. Покровский И. А. История римского права. — СПб.: «Летний сад», 1999. — 536 с.
16. Kaser M. Das römische Privatrecht. Bd 2. — München, 1959. — 462 S.
17. Mitteis L. Reichsrecht und Volksrecht in den Östlichen Provinzen des römischen Kaiserreichs. — Leipzig, 1891. — 562 S.
18. Моммзен Т. История Рима. Т. 1/ Т. Моммзен; пер. с нем. под ред. С. И. Ковалева и Н. А. Машкина. — СПб.: Наука, Ювента, 1994. — 734 с.

С. П. Шевцов,

кандидат філософських наук, доцент,
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
кафедра філософії природничих факультетів

ДО ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ АНТИЧНОЇ ПРАВОВОЇ МЕНТАЛЬНОСТІ

Резюме

Автор статті розглядає ситуацію, що склалася у XIX та XX сторіччях щодо вивчення права у античному світі. Є означеними деякі можливості подальшого шляху пошуків, зокрема, дослідження правової ментальності за допомогою інших форм діяльності, які є більш повно відображеними у літературі, наприклад, військовій.

Ключові слова: право, закон, ментальність, історія, правова свідомість.

S. P. Shevtsov,

Associate Professor, I. I. Mechnikov Odesa National University
Philosophy Department of the Natural Faculties

TO THE PROBLEM OF THE CLASSIC LAW MENTALITY

Summary

The author considers the studies of the classical law in the 19th-20th centuries. Certain possibilities for further research were found, for instance, studying of law mentality through other forms of activities, the ones that were reflected in the sources much more, for example, in military literature. The reason is that the army organization and the ways of warfare involve the same structures of mentality that the law realm.

Key words: law, law, mentality, history, legal consciousness.